

Университет — это не средняя и не старшая школа. Преподавателю не нужно следить за дисциплиной или вмешиваться в личную жизнь студентов. К тому же Цзи Кай вел занятия у магистрантов — людям в основном уже за двадцать, у каждого своя жизнь и свои заботы. С большинством преподавателей их связывали отношения длиною в один семестр: часто бывало так, что курс еще не закончился и экзамены не сданы, а преподаватель и студенты уже не узнавали друг друга в лицо.

Впрочем, из любого правила бывают исключения.

Особенно когда преподаватель хорош собой, одевается с иголочки, элегантен и при этом отпускает искрометные шуточки. Подобное обаяние действовало как магнит: хотя занятия изначально рассчитывались на небольшие группы человек по двадцать, аудитория каждый раз трещала по швам. Студенты с других факультетов, ни черта не понимающие в предмете, приносили с собой раскладные табуретки и с гордостью именовали себя «клубом любителей прекрасного».

Цзи Кай старался соблюдать осторожность. Давая задания, он указывал лишь дополнительный адрес электронной почты, ни в коем случае не светил номер телефона или аккаунты в мессенджерах. Но все было бесполезно: куча народу каким-то образом ухитрялась выходить на него и засыпала запросами на добавление с пометками вроде: «Преподаватель, у меня вопрос!».

А уж после того как на билбордах появилась реклама одного известного бренда доступной роскоши, его популярность и вовсе стала расти в геометрической прогрессии. Как зовут ректора университета? Этого никто не знал. Зато преподавателя Цзи с юридического факультета знали абсолютно все.

— Преподаватель, преподаватель, а это вы?

— Вовсе нет, просто немного похож. Я же вам лекции читаю, когда бы я успел сниматься в подобном?

Студенты — и бакалавры, и магистранты — народ наивный, их легко провести.

В итоге большинство действительно поверило, что на плакатах не он. Показывая друг другу фотографии, они наперебой хвастались: «Смотри! Смотри, наш профессор по гражданскому и торговому праву безумно похож на того сексуального манекенщика в белой рубашке!»

Хотя Цзи Кай свято соблюдал принцип держать дистанцию со студентами, дабы уберечь кое-кого от приступов ревности, у него не поднималась рука ранить эти «цветы жизни». В конце концов, существовала хотя бы однопроцентная вероятность, что кто-то добавил ради реального вопроса по учебе.

Решение нашлось простое: подтвердив запрос, он сразу переводил человека в особый список и скрывал от него обновляемую ленту, так что общение сводилось исключительно к деловым вопросам.

К несчастью, в один прекрасный день у него дрогнула рука, и он одобрил заявку от человека, которого пропускать не следовало.

Белый цветок Е Инь отличалась от того упрямого и состоятельного старика, который в запросах на добавление всегда прямо и с непоколебимой честностью писал «Ли Чанцзи».

Она была настоящей мастерицей по части смены аватарок и никнеймов и пряталась среди толпы юношей и девушек, пока в один прекрасный день Цзи Кай случайно не промахнулся пальцем и не принял ее за очередного студента.

И вот во время перерыва в один погожий солнечный день преподаватель Цзи, закончив отвечать на сообщение своему домашнему Ду-ду, от нечего делать пролистал ленту новостей и обомлел: прямо перед ним красовалось нежно-освежающее селфи Е Инь на фоне зеленой листвы.

Первой реакцией было: удалить, удалить, немедленно удалить!

Но... человеческая природа вредна по своей сути.

Он не только не удалил ее, но и не удержался от того, чтобы поскроллить ленту Маленькой феи. И стоит ли говорить, что залип он всерьез и с большим удовольствием — хоть бери и ставь лайки под каждым постом, да поторапливай с обновлениями!

Потому что драма там кипела нешуточная. Такой сюрреализм — просто глаз не оторвать.

Чего там только не было! Слезные, преисполненные тоски стихи с картинками и подписью: «Так хочется открытых, честных отношений»; грустные любовные песни с комментарием: «Фильм для троих, а мне в нем так и не нашлось места»; цитаты мудрых изречений: «В любви третий лишний — тот, кого не любят»; глубокие вздохи одинокой печали: «Лишь бы видеть его издали, большего не надо» — или же трогательные жалобы: «Вспомнил о нем посреди ночи и снова расплакался»...

Настоящее пособие для белых лотосов и разлучниц! Цзи Кай от такого чтива прямо-таки воспрянул духом.

В самом свежем посте — сетка из девяти фотографий, на последней из которых была чашка кофе с нарисованным сердечком, а подпись гласила: «Вместе с «Дорогой» уже 300 дней».

Каждая деталь выказывала абсурдность. Ведь если под «Дорогой» подразумевался Чжу Лин, то триста дней назад тот еще не развелся, да и сама Е Инь еще не рассталась с Ли Вэйду. Время прошло, и они стали настолько беспечными, что даже перестали маскироваться?

Вот так, с чисто сплетническим интересом заглядывая к ней на страницу, он пронаблюдал около недели. За серией постов Е Инь с солнечной погодой, фонарными столбами и кофе в стиле хипстерского уюта последовал настоящий взрыв.

Кадр был классическим: в объектив попала только нежная, белая ручка Е Инь, держащая за руку другого человека. Сам человек стоял спиной, а на заднем плане сияли неоновые огни ночного города.

Подпись: ««Дорогая», ты наконец-то пришел забрать меня домой».

Эта спина была Цзи Каю прекрасно знакома, да и бриллиантовый гвоздик в ухе ярко блестел.

«...»

Эти двое наконец-то решились открыто признать свои отношения? Вот уж поистине непросто!

Цзи Кай выдохнул с огромным облегчением. Если в тот дождливый день у стены, обвитой

плющом, глядя вслед уходящему понурому Чжу Лину, он и чувствовал затаенную легкую грусть, то в эту минуту последние капли сожаления улетучились без следа.

Поздравляем, все счастливы!

Вам двоим и правда пришлось нелегко. Пройдя через все невзгоды, вы наконец соединились — настоящая любовь с печатью и штампом. Теперь самое время обеим сторонам угомониться, не портить жизнь другим и спокойно жить вместе.

Радостный Цзи Кай, шлепая тапочками, подбежал к Ли Вэйду и обнял его сзади за соблазнительную талию, чтобы поделиться хорошей новостью. Ли Вэйду в этот момент мыл клубнику с апельсинами. От объятий за талию и поцелуя в ухо он на секунду замер, а холодные мочки ушей начали медленно наливаться жаром.

— Я не буду смотреть. Какое мне до этого дело?

— Как это какое? Это ведь не только мой бывший, но и твой!

— ...У меня есть ты, я вообще не помню, кто у меня был до этого.

Как показала практика, даже прекрасно понимая, что это сладкая ложь, слышать такое все равно безумно приятно. Насладившись моментом, преподаватель Цзи уткнулся подбородком в плечевую ямку Ли Вэйду и, получив свое, решил еще немного покривляться:

— Неужели мой Вэйду такой бессердечный? У-у-у...

Ему в рот тут же вонзили ягоду клубники.

Однако вкусить сладости он не успел: директор Ли обернулся и с невозмутимым лицом безжалостно выхватил клубнику губами прямо из его рта. Все произошло молниеносно, четко и дерзко. Пока большой медведь находился в полном недоумении, в следующую секунду его уже прижали к стене. Клубничный поцелуй был сладким, с легкой кислинкой, от которого подкашивались ноги.

Директор Ли в последнее время становится все изощреннее.

Против такого не устоять, сдаюсь, сдаюсь...

В последующие дни Е Инь продолжала без устали демонстрировать неземную любовь в ленте. По крайней мере, выглядело все так, будто она переполнена счастьем. Иногда на снимках появлялся и сяо Янь, и вместе они казались идиллической воссоединенной семьей из трех человек.

Что ж, здорово. Похоже, любовь распространилась и на ребенка, главное, чтобы она была хорошей мачехой и не обижала сяо Яня.

Цзи Кай успокоился. С тех пор он лишь изредка заглядывал на ее страницу от скуки, закатывал глаза и мысленно замечал: «Корм для собак у нас дома куда вкуснее вашего!».

Есть старая поговорка: «На людях кормят собаку, а без людей бьют собачью миску». Поскольку Цзи Кай каждый день раздавал публике самый что ни на есть настоящий «собачий корм», ему и в голову не приходило, что фальшивка тоже имеет место быть.

На самом деле сладость в отношениях Е Инь и Чжу Лина длилась от силы одну неделю.

А все те выставляемые напоказ фотографии с подарками и букетами были лишь редкими крошками сахара среди бесконечных уколов, скандалов и суматохи серой обыденности.

...

Со стороны Чжу Лина все выглядело так, будто Е Инь просто ищет поводы для ссор на пустом месте.

Ведь он вовсе не собирался сойтись с ней по собственной воле. В тот день, когда он вышел из университета Цзи Кая, дождь лил все сильнее, пока на всей улице практически не осталось людей, отчего город казался вымершим, будто после зомби-апокалипсиса.

И надо же было такому случиться, что перед светофором остановился этот чертов черный Ленд Ровер. Из-за дождя стекла машины размылись, силуэты казались нечеткими, но Чжу Лин узнал этот автомобиль.

В салоне наверняка было тепло. За время такого долгого красного сигнала, нетрудно догадаться, этот по фамилии Ли обязательно уберет руку с руля и начнет поглаживать тыльную сторону ладони Цзи Кая.

Разве кто-то в силах удержаться, чтобы не потрогать эти милые подушечки на медвежьей лапе? А потом он точно поддастся искушению этого мощного гормонального фона, не удержится, притянет его к себе и поцелует.

Так хотелось подбежать и выбить ногой дверь! Но ровно в тот момент, когда он готов был сорваться, загорелся зеленый. Ленд Ровер с ревом сорвался с места, вздымая брызги воды, и исчез вдали.

Вернувшись домой, Чжу Лин тяжело заболел и три дня не выходил на работу.

Сестра Тун ворвалась к нему, разрываясь между жалостью и ворчанием из-за застоявшегося запаха плесени в комнате, но он ничего не слышал. Казалось, весь мир рушился с тихим шорохом. В бреду от высокой температуры он то засыпал, то просыпался, каждый раз приходя в себя на холодной, мокрой от слез подушке. В таком полубессознательном состоянии он провел целую неделю, чувствуя лишь, что все слилось в единое целое, оставалось только вознестись на небеса — любить он больше не сможет никогда.

<http://bllate.org/book/18382/1767897>